

Луиза АКШИНЦЕВА

В дождь

Капли мелкие-мелкие,
их почти не видать.
Прожит день с недоделками,
завтра б все наверстать.

Целый день, словно белочка,
то туда, то сюда...
Ведь давно уж не девочка,
так спешишь ты куда?

Дети выросли, сколом
сын давно улетел.
Дочь-красавица — около,
в окружении дел.

Так зачем надрываешься,
словно в доме одна?..
За день так ты намаешься,
что потом не до сна.

Будет снова бессонница
караулить в ночи.
Спи же, делопоклонница,
сердце ждать научи.

Разрешите мне назвать тебя другом,
чтоб почувствовать силу крыла.
Непонятным, тяжелым недугом
осень душу мою обожгла.

Занавесила звездное небо,
придавила тяжелой тоской.
Мне ни денег не надо, ни хлеба,
поддержи меня добротой.

Не сочти, я прошу, за дерзость
этот робкий призыв души.
Понимая мою надежду,
только с выводами не спеши.

Теперь, как потухшее пламя,
серым пеллом подернутый круг.
Бросил кто-то в кострище камень,
и ушел, не враг и не друг.

Но алеют еще крупницы
золотого живого огня...
Помоги же мне возродиться,
поддержи добротой меня.

Не ругайтесь, не кричите,
тише, тише...
Слышите: дождинки бьют
по крыше.

Капельки за сердце
задевают
и чуть слышно что-то
напевают.

Слышите: вода бежит
по стокам,
ударяет душу,
словно током.

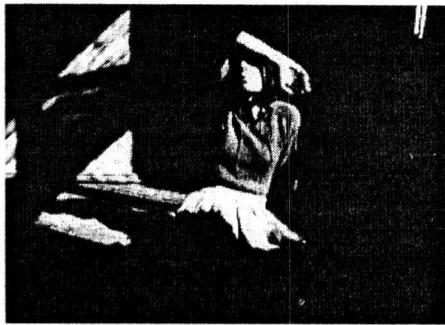
Значит кто-то злится
и скандалит,
если целый мир
слезами залит...

Познать себя,
чтоб научиться понимать других...
Как трудно иногда
с собой бороться!
Взглянуть в твои глаза
и, утопая в них,
узнать, что боль твоя
во мне протяжным эхом бьется.

К. Н. М.

Напрасных клятв он не давал,
не рассыпал напрсных обещаний,
обиды мелкие по доброте прощал
и никому не обещал свиданий.

И шли друзья на теплый огонек,
и не была сиротскою квартира...
А он тепло доверия берег
от суеты несправедного мира.

Дурная ночь

Все мысли вскачь в дурную ночь.
Пытаюсь вспомнить: в чем тут дело?
Не лезьте больше! Руки прочь!
Я жить так больше не хотела.

И не хотела быть одна,
но все уходит, это значит —
на мне еще одна вина,
и жизнь бедна, и голос вкрадчив.

И стоит ли в водоворот
мне с головой своей соваться?
Но совесть мучает, и вот
приходится с тобой расстаться.

Мы расстаемся навсегда,
и ничего теперь неясно,
но я пришел к тебе затем,
чтобы сказать, что все напрасно.

Что я не ангел и не свет.
Я — тьма, и тьмой еще раз буду.

И все твои мечтанья — бред.
А ты надеялся на чудо!
Иду по земле от снега белесой,
кидаю камни в синие горы.
А по щеке, как монеты, слезы
от нашей встречи — до этой ссоры.

Гуляет ветер со мной на пару,
гремит цепями и дым уносит.
А в сердце больше не будет жара,
остыли угли, огня не просят.

Я не обманут и не обижен,
мне по душе отмечать разлуку.
Ночь, но тебя я во сне увижу,
и не поверю дверному стуку.

Мой разум станет тетивой,
а мысли — стрелами.
И над тобой, и надо мной —
птицами белыми.

Взмечтнутся просто и легко
под небо звездное,
ты будешь очень далеко,
и плакать поздно мне.

И будет день опять, как день,
пора изменчива.
За ночью — ночь, за тенью — тень...
И делать нечего.

Разноязычная любовь

Вместе уже поутру не проснемся,
вместе не встанем.
Это мы просто с тобой расстаемся,
просто устали.

Людмила КУШМАНОВА

**«Как хорошо, что есть такой клуб,
а в клубе есть такие встречи!»**

— услышала я слова одной из женщин, когда мы уже расходились по домам. Это — «Клуб литературных встреч», который возник в 1980 году, живет и здравствует в библиотеке металлургов поныне. Немало интересных людей побывало здесь за эти годы. Обычно всю подспудную и подготовительную работу берут на себя библиотекари Т. М. Иванова, Л. Н. Рузанова и зав. абонементом Н. В. Гаврилова. Они же заботятся об уютной «семейной» обстановке за чашкой чая.

Так было и на этот раз. Состоялась презентация второй книги нашей землячки Анны Турусовой «Пятерка за «фонарь». Зав. библиотекой Н. П. Антропович поздравила ее с выходом книги, пожелала, чтобы у следующей путь к читателю оказался короче. Были и цветы, и пожелания. Методист библиотеки Е. П. Ковалик представила гостью, познакомилась с членами клуба и его бессменным председателем В. Н. Аристовым. Они и вели этот вечер, интересный как для читателей, так и для автора.

Анна Александровна поведала историю книги, написанной еще в 80-е годы, но изданной только сейчас. И задала встречный вопрос: не кажется ли нам книга несвоевременной? Сейчас другая манера письма, другая жизнь, другие заботы. Будет ли она интересна сегодня? Ответы последовали незамедлительно. Сейчас прилавки завалены книгами, излучающими агрессию даже с обложки. Агрессивен и стиль письма. На этом фоне еще острее свет, исходящий из небольшой зеленой книги. В прошлом было много дурного, жестокого, несправедливого. Но было много и доброго. И это доброе нужно беречь и передавать людям. Растить их не в ненависти, а в любви.

Естественно, что тут же завязался разговор. Порадовались ее прекрасному литературному языку, к тому же расцвеченному южноуральским говором, меткими народными выражениями. А я, припомнив стихотворные переводы Анны Турусовой с татарского языка, подумала о том, что здесь она сумела сделать замечательный перевод не только с «языка животных» (в широком смысле этого понятия), но и с «языка детства», который все мы основательно подзабыли...

Книга издана со вкусом, крупным шрифтом и на хорошей бумаге. Жаль только, что нет иллюстраций. Но живопись и рельефность изображаемого в книге позволяют читателю рисовать свои картины. И это замечательно.

Как и при любом обсуждении, возникали и споры, особенно по новелле-притче «Лилии долины». Автор с благодарностью принимала замечания: ведь они свидетельствовали о внимательном прочтении ее книги. Больше всего пришлось по душе рассказы о детях. В каждом из них достоверные приметы времени, в котором они живут. Особенно рас-

сказах о военном и послевоенном детстве. В «картофельных походах» по раскисшему полю теряется галоша. Результат — долгая хвороба. Другое время — другая беда: мама с папой — в Болгарию, Ваня из Москвы — в глухую уральскую деревню («Куда уходит самовар»). А «беда» обернулась неожиданной удачей: Ваня с дедом и псом Шайтаном стали «не-разлей-вода». Ненавязчиво и тепло происходит открытие мира, своих родных корней через язык и доброту стариков...

Выяснилось, что все рассказы о детях автобиографичны. И заслуженный учитель школы № 19 К. А. Кириленко пришла в рассказ «Пятерка за «фонарь» из магнитогорского аниного детства. Тепло были приняты и рассказы о животных. И темы, и приемы их раскрытия не новы. Поэтому прозвучали сомнения: стоит ли работать над тем, что было уже не раз? Но, думается, опасения напрасны. Ведь все темы стары, как мир: жизнь, любовь, смерть... Другое дело, как талантливо их подать. И если читателю интересно, если он не откладывает равнодушно книгу, цель достигнута.

«Маленькая женщина в белых гольфах». Это — кошка Борька. В этой новелле так зримо и узнаваемо живет Нина Георгиевна Кондратовская, которую в городе знали все. Это от нее, не разобравшейся сразу, кот это или кошка, и получила Борька свое имя. И Нина Георгиевна никога бы не рассталась с ней, если бы собака Дашка «разрешила» поселиться в их доме. Но она чуть не загрызла Борьку. И Нина Георгиевна «бурно радуется» — можно пристроить Борьку, отдав ее без всяких сомнений в добрые руки. Несколько черточек, фраз — и вся Кондратовская перед нами, с неременной папирсой, характерными жестами, манерой разговаривать...

На встрече, как всегда, присутствовали и члены клуба «В мире прекрасного», созданного женской комиссией профкома АО ММК. Н. Е. Горбунова — воспитатель интерната рабочей молодежи комбината — по своей инициативе познакомила ребят с книгой Анны Турусовой. Они сразу уловили добрый настрой, впечатления самые теплые. Просьба к автору — встретиться с молодыми рабочими в интернате. Заведующая отделом профкома АО ММК Л. Н. Скорова сказала, что можно организовать подобные встречи и в цехах комбината.

Каких писателей любит автор? Самые разные: Чехов, Шмелев, Пушкин, Лермонтов, Ахматова, Ахмадулина, Екклезиаст, словарь Даля...

Члены клуба еще раз поблагодарили Анну Александровну Турусову за хороший подарок взрослым и детям. Небольшая зеленая книга привлекла и покорила всех нас своей чистотой, поэтичностью, материнским отношением автора ко всему живому на земле. Теплый свет талантливой и доброй книги поистине согревает душу.

Ольга ХЛЕСТКИНА

Знаю, тоскуешь по жизни столичной,
роскоши хочешь.
Жаль, что любовь у нас разноязычна —
разная очень.

Глупо надеяться, глупо стремиться
и неуместно.
Если уж здесь довелось мне родиться —
здесь мне и место!

Нет, не будет дождя,
и его не заказывал ветер,
и не плачет земля
от того, что пожухла трава.
Я бы все отдала,
за любовь, за тебя — все на свете.
Но ты скажешь в ответ,
что я буду опять неправа.

Остановится день,
солнце впадется взором
на макушки деревьев
и серость домов.
И проникнет до сердца
нелепым укором,
только жаль:
у меня не окажется слов.
Что сказать в оправдание?
А может не надо?
И не стоило так
распыляться на свет...
Я не выдержу, нет,
беспокойного взгляда
ни сейчас, ни потом —
через тысячу лет.

Елена БЕЛОГОР

Младенец — месяц молодой!
Безумья всходы
взрастут в тебе вместе с тобой
грехом природы.

И все ступени — сон любви
слепой и властной,
пройдешь — и страх, что на крови
безмерно красной.

И стук в незапертую дверь,
в ее никчемность,
и ожиданием потерь
порабощенность.

И будет смерти близкий час
ступенью всходей
безумья, вперившего глаз
среди звезд притихших.

Младенец — месяц молодой —
из тьмы проглянет.
Как сумасшедший за спиной
тихонько встанет.

Вот когда острой люблю я!
Когда я тебя ревную
без нападков и вины,
иль когда разлучены,
я шепчу, пьянясь разлукой
(и гляжу: закат простыл):
— как люблю я эту муку
опускающихся крыл...

Твой поцелуй, почти украдкой,
почти у губ и троекратный
у посторонних на виду,
словно опять я на ветру.

О, ветер, старый друг и враг!
Как стыли руки на ветрах,
державшие свой захудалый жребий...
Не на земле стояла — в небе.

Витала! Господи прости...
Я в небо жаждала уйти!
Уйду же в землю, как и все.
О, ветр! Уста твои в росе.

Твой поцелуй, почти украдкой,
почти у губ и троекратный,
у посторонних на виду,
словно опять я на ветру.

Переполнится страстью и мукой
вся душа, словно ветка к весне.
Закружи, послезимняя вьюга,
но тебе не воспрянуть вполне!

Вот предчувствий ласкающий локон,
выбиваясь, выиграл на ветру.
Ни лучей, ни распахнутых окон,
затаенную слышу игре.

Слышу, как извиваются выси,
словно жадно вливаются в лед,
слышу свежесть нетронутой мысли,
даже слово ее не вспугнет.

Тишины разная ладони,
проскользнет вдоль движенья ветров,
и как будто случайно обронит
свой неясный и темный покров.

Только ночь и сверчок в ночи.
Кто там шепчется? Все — молчи!
Кто там время торопит вспять?
Все равно ничего не понять!
Звезд посыпалась с неба горсть...
Долгожданный нейдет к нам гость.
Туго стянута кожей дней
тайна влюбь уходящих корней.
Скоро ль? Скоро пробьют ключи?
Ночь. И громко — сверчок в ночи.